

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Сон в брачную
ночь

ЭКСМО

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Сон в брачную ночь

«ЭКСМО»

2005

Александрова Н. Н.

Сон в брачную ночь / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2005 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

Рискуя собственной жизнью на обледенелом карнизе и в неравном противостоянии с огромным ротвейлером, Лола добыла так необходимую известному аферисту Лене Маркизу бесценную камею, принадлежавшую семье Медичи. А он, коварный обманщик, отдал ее какой-то красотке! Но ничего, Лола этого так не оставит: назло неверному партнеру она согласилась принять участие в съемках нового экспериментального фильма, в конце которого, правда, актрисе предстоит... умереть! Обнаружив пропажу подруги, Маркиз выходит на след беглянки только с помощью домашних любимцев – маленького вредного чихуа-хуа Пу И и красавца черного кота Аскольда. Теперь им всем предстоит не только выручить из беды Лолу, но и поквитаться с мошенницей, ловко сыгравшей на чувствах специалиста по особым поручениям Маркиза и его несравненных помощников! Книга также выходила под названием «Золушка в бикини».

Наталья Александрова

Сон в брачную ночь

© Александрова Н.Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Ирина выскользнула из постели и прислушалась.

До нее не доносилось ни звука. Кажется, в доме все уснули.

Сегодня или никогда.

После того, что ей удалось подслушать накануне вечером, девушка поняла, что ее жизнь не просто в опасности. Ей в самом лучшем случае осталось жить всего несколько дней. До сих пор она жива только потому, что нужна этим страшным людям, но как только она сделает то, чего от нее хотят, как только подпишет бумаги, она тут же превратится для них в помеху, в ненужного и опасного свидетеля. И они от нее быстро избавятся.

Сегодня она легла в постель одетой, чтобы не поднимать шума, одеваясь в темноте. На ней были удобные темные джинсы и темный свитер – так она рассчитывала казаться незаметной в темноте. Быстро натянув легкую теплую куртку и кроссовки, девушка подкралась к двери комнаты.

Ее маленькая хитрость сработала – пластинка жевательной резинки не дала замку захлопнуться, и дверь бесшумно открылась.

Ирина выскользнула в коридор.

Ночью все в доме выглядело таким непривычным, таким пугающим и незнакомым. Кое-где тускло горели вполнакала лампы дежурного освещения. Чуть слышно поскрипывал под ногами рассохшийся паркет. Где-то в другом крыле здания неожиданно взволнованно закотала труба отопительной системы. Девушка беззвучно кралась вдоль стены, закусив губу от страха. Только бы никто из охранников не встретился ей по дороге!

Она хорошо помнила план особняка. Сейчас нужно свернуть налево, потом – вниз по короткой деревянной лестнице, затем направо... вот и дверь, ведущая в холл. Оттуда можно попасть на крыльцо... Но нет, сюда ни в коем случае нельзя, в холле круглосуточно сидит дежурный охранник, да к тому же там установлена камера видеонаблюдения.

Ирина прокралась мимо опасной двери и толкнула следующую, неброскую и невзрачную.

Она оказалась в кухне.

Сверкающая стеклом и полированным металлом бытовая техника, широкие, как футбольное поле, электрические плиты, огромные холодильники, в каждом из которых могла поместиться целая свиная туша, глубокие хромированные мойки. Здесь готовили еду на всех обитателей особняка, большую часть которых составляли охранники. С припасами, хранящимися в холодильниках, при необходимости можно было выдержать месячную блокаду. Но не это интересовало сейчас Ирину, не внезапно разыгравшийся голод привел ее в кухню. Она опасливо оглянулась, убедилась, что ее никто не видит, и открыла дверцу мусоросборника. За этой дверцей стоял наполовину заполненный бак для пищевых отходов. Когда бак наполнится

доверху, кухонный рабочий поставит его на поворотную платформу и нажмет на рычаг. Полный бак выедет наружу, на площадку возле задней стены дома, откуда его в свое время заберут, а на его место в мусоросборнике встанет пустая емкость.

Ирина забралась на поворотную платформу, скрючилась, как младенец в утробе матери, и нажала на рычаг, моля бога о том, чтобы не застрять в отверстии мусоропровода. Платформа с негромким скрипом провернулась, и девушка выкатилась на бетонную площадку. Теплая куртка смягчила удар, и Ирина по инерции мягко перекатилась на спину.

Она лежала на спине и смотрела в звездное зимнее небо.

Неужели ей удалось? Неужели она вырвалась из этого страшного дома, который в последние недели стал ее тюрьмой, а в ближайшем будущем мог превратиться в склеп для ее трупа?

Ирина жадно вдыхала сырой холодный воздух и не могла надышаться. Это был воздух свободы.

Но расслабляться было еще слишком рано. Она выбралась из дома, но до свободы еще очень далеко. Ей еще предстоит перебраться через высокую стену, а после этого добраться до населенного пункта, где можно найти машину до города... или телефон, по которому она сможет связаться с кем-нибудь из своих друзей... да и тогда нельзя будет чувствовать себя в безопасности, ведь у этих людей очень длинные руки!

Ирина вскочила, еще раз огляделась и перебежала отделявшее ее от высокой глухой стены пустое заснеженное пространство. Затаившись в тени под стеной, она вытащила из-под куртки веревку, которую тайком сплела из разорванной на узкие полосы простыни. Размотав веревку, она раскрутила ее и бросила вверх. Веревка описала круг и снова упала ей в руки, не зацепившись за венчавшие стену кованые острия. Ирина не сдалась. Она повторила попытку еще и еще раз и наконец почувствовала, как веревка в ее руках туго натянулась. Девушка уперлась ногами в стену, крепко ухватила за веревку и полезла вверх. Ей оченьгодились сейчас навыки опытного альпиниста, приобретенные в нескольких восхождениях. Она без особого труда вскарабкалась на стену и в последний раз оглянулась на покинутый особняк.

И встретила глазами с охранником, который вышел из-за угла дома.

Он выхватил из наплечной кобуры пистолет, поднял его, направив на силуэт над стеной...

Казалось, время неожиданно замедлилось, а воздух уплотнился, сопротивляясь движениям, как тяжелая и вязкая жидкость. Ирина неожиданно ослабевшими ногами переступила через железную щетину кованой решетки и хотела уже соскользнуть с другой стороны стены, как вдруг прогремел выстрел. Девушка покачнулась и рухнула за ограду.

Она еще успела подумать, что все-таки вырвалась из этого ужасного места, успела еще раз взглянуть в звездное зимнее небо, и ее глаза залило беспросветной, непроницаемой тьмой.

Говорят, что в последнее мгновение перед смертью перед человеком, как в ускоренной киносъемке, проходит вся его жизнь. С Ириной ничего подобного не произошло. Последней ее мыслью было: она все-таки не подписала бумаги, а значит...

На третьем этаже отеля «Каскад-Палас» царила тишина. Здесь располагались самые дорогие номера, и жильцы, заплатив бешеные деньги, вправе были требовать от дирекции и обслуживающего персонала полного покоя и безупречного обслуживания.

Полы в длинном коридоре были выстелены мягким малиновым ковром, который заглушал шаги. Кресла в холле обиты были малиновым бархатом, над ними висели золоченые бра, изредка тоненько позвякивала хрустальная люстра. Дирекция отеля пыталась поразить посетителей роскошью. Но это, надо сказать, не слишком хорошо ей удавалось, поскольку люди эти, как уже говорилось, были богатые и жила в лучших отелях мира.

В номере с самым лучшим видом из окон – на Неву, мужчина средних лет с выражением усталой самоуверенности на холеном лице курил, стоя у окна. Глядя на ледяные торосы, покрытые грязным снегом, он с усмешкой подумал, что вид, которым отель так гордится, сегодня

не слишком хорош. Что делать – зима в Петербурге бывает весьма неприглядна и очень утомительна. Именно поэтому он предпочитает проводить зиму в более теплых местах. А если хочется снега, можно поехать на какой-нибудь лыжный курорт.

Вот и нынче – конец декабря, Новый год близится, а небо мрачное, и вместо снега сыплется на город какая-то гадость. Но его не должно это беспокоить. В конце концов, он прилетел в Петербург не ради удовольствия, а по делу. И сегодняшний вечер очень для него важен.

Андрей Зайковский, крупный бизнесмен, очень богатый человек, не любил Россию, хотя она и являлась его родиной. В России его всегда терзало ощутимое беспокойство. Не связываясь с нефтью и газом, он сколотил свое состояние на поставках электронной техники. Он был умным и дальновидным человеком, не покупал телеканалы и другие средства массовой информации, не ссорился с властями и в свое время, осторожно и постепенно, перевел капитал за границу. Там он тоже преуспел благодаря своей деловой интуиции и осторожности, и, заработав достаточно денег, смог отдалиться своей подлинной страсти – коллекционированию предметов искусства. Через несколько лет его имя стало достаточно известным в мире коллекционеров.

Зайковский затушил сигарету и обратил внимание на приглашение, валявшееся на столике.

«Господин Костоломов имеет честь пригласить вас 20 декабря в 20.00 в свой особняк на торжественный прием, посвященный годовщине создания его фирмы».

Внизу стояли две крошечные буквы «ВТ», которые обозначали дресс-код, то есть форму одежды, в которой нужно было явиться на прием. В данном случае для мужчин это был смокинг, а для женщин – платье для коктейлей, то есть открытое, но не длинное.

Зайковский вздохнул и отправился в спальню. Выглаженная белая рубашка лежала на кровати, он надел ее, но запутался с запонками.

– Надин! – крикнул он в сторону ванной, откуда раздавались плеск воды и пение. Тем не менее его подруга явилась через минуту.

– Послушай, – он раздраженно протянул ей запонку, – мы уже опаздываем, а ты и не думаешь одеваться!

Действительно, она была завернута в полотенце и не накрашена. Ничуть не обидевшись на его сердитый тон, она рассмеялась и ответила с милым акцентом, слегка коверкая слова:

– Не волнуйся, дорогой, все будет в порядке! Мы же не собираемся прийти первыми!

– Разумеется, но сильно опаздывать тоже нехорошо.

– О, здесь, в России, все всегда опаздывают! – беззаботно отмахнулась она, мигом призвав запонки к порядку. – Вот и сейчас – я заказала кофе, и как же долго его не приносят!

С этими словами она чмокнула Зайковского в щечку и снова скрылась в ванной. Он невольно улыбнулся: Надин всегда умеет его отвлечь. За это он и ценил свою подругу. Всегда весела, как птичка, легкомысленна, как истая француженка, подвижна и всем довольна.

При первой встрече Надин тотчас же важно сообщила ему, что она русская, хотя, увидев ее в парижской толпе, Зайковский не сомневался бы, что она – чистокровная парижанка. Тем не менее, утверждала Надин, ее бабушку привезли из России во Францию ребенком в страшно сказать каком году. Надин хорошо помнит бабушку, ее и называли-то в честь grandmamans – Надеждой, и бабушка же научила ее русскому языку. Слушая ее болтовню, Зайковский думал, что от узкобедрых и безгрудых в большинстве своем французов Надин выгодно отличают только некоторые формы – как видно, русскую кровь трудно быстро списать со счетов.

– Я прекрасно знаю, Андре, дорогой, отчего ты так спешишь к этому самому, как его...

– Костоломову, – подсказал Зайковский.

– Ужасная фамилия! – продолжала говорить Надин через открытую дверь ванной. – Все дело в камее!

– Да я и не скрываю, – признался Зайковский, – в самом деле, мне безумно хочется посмотреть камео Медичи.

– И купить ее? – лукаво спросила Надин.

– Возможно, – сдержанно согласился Зайковский, пытаясь закрепить на шее галстук-бабочку, который полагался к смокингу, – я еще не решил.

Он покривил душой, потому что давно уже решил, что если камео окажется подлинной, то он купит ее у Костоломова. То есть в подлинности он почти не сомневался, не стал бы Костоломов предлагать ему заведомую подделку! Однако с этой камеей связаны были какие-то неопределенные слухи. Известно было, что лет десять назад камео принадлежала коллекционеру Ивановскому, ныне покойному. Зайковский собирался расспросить Костоломова, как же к нему попала камео, но вряд ли тот будет с ним откровенен. В конце концов, подумал Зайковский, все дело в цене. Так что сегодняшний прием обещал быть для него очень интересным.

В дверь деликатно постучали, это горничная прикатила столик, на котором сервирован был кофе. На запах кофе Надин явилась из ванной уже полностью одетой и причесанной. Впрочем, прической то, что было на голове у его подруги, Зайковский никогда не называл. Искусственно растрепанные короткие волосы непонятного, серо-сине-пегего цвета. На Надин было короткое платьице из прозрачной органзы на черном чехле. На органзе были вышиты разнообразные цветы. Андрей Зайковский был человеком консервативным, свой вкус формировал на классических произведениях искусства, ему больше нравилось, когда женщины одевались в маленькие черные открытые платья. Но что поделать – мода есть мода...

Он перехватил любопытный взгляд горничной. Девушка тут же опустила глаза.

– Вы можете идти, – бросила ей Надин, – я сама налью кофе.

Горничная грациозно присела в полупоклоне и удалилась. Выйдя в коридор, она огляделась по сторонам и, проходя мимо небольшой комнатки, где хранилось чистое белье, забросила туда свой форменный белый фартучек и наколку. В коридоре по-прежнему никого не было. Горничная ускорила шаги и открыла своим ключом дверь на служебную лестницу. Не заботясь больше о тишине, она застучала каблучками по ступеням.

Надин отпила кофе и подняла глаза к потолку.

– Нет, все-таки в России кофе варить не умеют! – глубокомысленно изрекла она. – Хотя и крепко, но невкусно. И не спорь, Андре, – повернулась она к Зайковскому, хотя он и не думал спорить, – ты же знаешь, как я отношусь к этому напитку, я жить не могу без кофе!

Это была чистая правда, думал Зайковский, отставляя пустую чашку, Надин могла пить кофе в любых количествах и в любое время дня и ночи. И его приучила. Внезапно она покачнулась и схватилась за виски.

– Что-то голова заболела... – протянула она, но тут же встряхнулась и рассмеялась, – так, показалось. Идем, дорогой, а то и вправду сильно опоздаем!

Она сама подала ему смокинг и поправила бабочку, накинула легкую шубку и выскочила в коридор. Внизу в холле было людно. Швейцар кивнул и приложил руку к фуражке:

– Лимузин сейчас будет, господа!

И правда, они почти не ждали, черный лимузин с надписью «Каскад-Палас» подкатил к дверям отеля. Шофер, молодой парень в форме, выскочил из машины и предупредительно открыл дверцу.

Машина мягко тронулась с места, проехала немного по набережной Невы и свернула в переулок. Несмотря на то что шофер очень ловко управлялся с огромной машиной, Зайковский невольно спросил:

– Отчего вы свернули? Разве нельзя проехать по набережной?

– Пробки, – ответил шофер, не отрывая глаз от дороги, – застрянем надолго.

Зайковский удовлетворился этим ответом и тут заметил, что Надин приникла к нему и тяжело навалилась на плечо.

– Дорогая, – встревожился он, – тебе плохо?

Глаза у его подруги были закрыты, лицо спокойно, Зайковский с изумлением понял, что Надин крепко спит, сладко посапывая, как ребенок. Зайковский осторожно тряхнул ее за плечи, она открыла глаза, проговорила что-то по-французски и тут же снова уснула.

– Да что же это такое? – вскричал Зайковский. – Водитель, остановитесь!

– Здесь нельзя стоять, – ответил шофер и незаметно поглядел на часы.

Машина выехала из переулочка на такую же тихую улицу, с одной стороны шел длинный бетонный забор, с другой – дома самого непрезентабельного вида. Зайковский понял, что случилось непредвиденное и сейчас ему будет плохо. Он попытался открыть дверь лимузина и выпрыгнуть, но замки были заблокированы. Перед тем как окончательно забыться тяжелым сном, Зайковский успел подумать, что не зря он так не любит Россию и что предчувствия его не обманули. И еще он пожалел, что никогда не увидит камео Медичи.

Водитель оглянулся на пассажиров и удовлетворенно хмыкнул. Тут же у него зазвонил телефон.

– Спят как младенцы! – ответил он на вопрос невидимого собеседника. – Приступаю к следующей фазе операции!

Лимузин свернул в проход между домами, с трудом развернулся в узком дворе и остановился перед небольшой дверцей в стене. Перед ней не было ни навеса, ни ступенек. Водитель легонько стукнул в дверцу, она открылась, и выскочил человек в смокинге, чем-то неуловимо похожий на самого Зайковского. Вдвоем с шофером они взяли Зайковского как куль с мукой, с трудом протащили через узкую дверь и перенесли вниз по ступенькам в полуподвальное помещение.

– Здоровый бугай, – отдувался шофер, – и крепкий. Жду-жду – не берет его сон! Страху я натерпелся!

– Васильич! – крикнул «смокинг». – Куда класть-то?

Тотчас из глубины полутемного помещения вынырнул шустрый старикашка в аккуратной, заштопанной во многих местах спецовке и засуетился.

– Вот сюда, Маркизушка, скидывай его, на диван!

Диваном странную конструкцию, что стояла в углу, назвать можно было с большой натяжкой. Скорее к ней подходило старинное слово «оттоманка».

Зайковского сгрузили на лежбище, он недовольно хрюкнул во сне. С Надин шофер справился сам, он нес ее гораздо бережнее и даже поправил волосы, упавшие на лицо.

– Васильич! – ворчал он, пристраивая девушку к Зайковскому. – Что за диван у тебя, двоим места мало!

– А ты валетом их, Ухо! – посоветовал Васильич. – Небось не свалятся!

Тут появилась молодая женщина, в которой никто не узнал бы горничную, подавшую недавно в номер Зайковского кофе с очень странным привкусом. Она подошла к дивану и внимательно рассматривала спящую Надин. Потом удалилась куда-то вглубь и появилась уже в парике, который в точности копировал прическу Надин – короткие искусственно растрепанные сине-серые волосы. И платье на ней было такое же – прозрачная органза на черном чехле.

– Ну как? – спросила она, поворачиваясь перед мужчинами.

– Платье не такое, – солидно сказал шофер, – у нее цветочки вышиты, а у тебя – бабочки!

– Да какая разница! – сказала она, с досадой пожав плечами.

– И верно, никто не разглядит, – согласился мужчина в смокинге, которого Васильич назвал Маркизом, – пора, Лолка, труба зовет!

Он подал своей подруге шубку Надин, сам же облачился в пальто Зайковского, которое пришлось ему впору. Она миглом взлетела по ступенькам и уселась в лимузин.

Леня Марков, широко известный в узких кругах под незамысловатой кличкой Маркиз, большой специалист по части элегантно и бескровно отъема денег у богатых людей, приступал к своей очередной операции. Как всегда, он был собран и насторожен, как всегда, он заранее тщательно обдумал операцию и предусмотрел все нюансы. Как всегда, он тщательно проинструктировал свою подругу и напарницу Лолу и старинного приятеля и помощника, сообразительного парня по кличке Ухо, который прекрасно разбирался в автомобилях и мог угнать любое транспортное средство.

И все же сегодня Леня Маркиз был не так спокоен, как обычно. Уж больно суровым человеком слыл Иван Костоломов, тот, на чей прием они с Лолой ехали сейчас, выдавая себя за Андрея Зайковского и его подругу Надин. Была и еще одна причина для беспокойства, но о ней Леня старался пока не думать.

Все идет по плану: Ухо не подвел, вовремя раздобыл лимузин, Лолка успела подсыпать в кофе снотворное, вскоре наступит решающий этап операции.

– Соберись, – тихонько посоветовал он Лоле, – подъезжаем...

Лола подняла брови, повела ресницами и вдруг стала удивительно похожа на Надин. Леня в который раз поразился ее умению перевоплощаться. Несомненно, Лолка замечательная актриса, только он ни за что ей этого не скажет, чтобы не загордилась и не задрала нос.

Особняк Ивана Костоломова сверкал ослепительными огнями, как новогодняя елка. Лимузин с надписью «Каскад-Палас» высадил нарядных пассажиров перед крыльцом и отъехал в сторону, присоединившись к живописному стаду «Мерседесов», «Ягуаров», «Лексусов» и прочих приличных и престижных автомобилей. Поскольку дело происходило не в Москве, а в Петербурге, в это стадо затесался единственный серебристый «Бентли» пивного короля Обоева.

Пассажиры лимузина поднялись по ступеням крыльца, мужчина протянул швейцару тисненый золотом прямоугольник приглашения. Дама сбросила на руки расторопного лакея шубку и вошла в холл. На нее тут же обрушилось сияние многочисленных хрустальных люстр и грохот оркестра. Подхватив под руку своего немного мрачноватого кавалера, она двинулась по коридору, образованному наряженными во фраки лакеями, в дальний конец холла. Там, за увитой тропическими лианами аркой, начинался зимний сад. Точнее было бы назвать помещение, куда они вошли, тропическим лесом – со всех сторон гостей Костоломова окружили заросли пальм, оплетенных лианами, стройные стволы бамбука и других экзотических растений. Трудно было поверить, что за окнами – унылая петербургская зима и совсем немного времени осталось до Нового года. Среди зелени прятались огромные, прянопахнущие цветы, золотели спелые плоды апельсинов, с хриплыми криками перелетали с ветки на ветку разноцветные попугаи.

– Вот бы Перришону здесь погостить! – прошептала дама на ухо своему спутнику. – Ему бы это понравилось!

– Тихо, Лолка! – ответил тот одними губами. – Здесь и стены наверняка имеют уши!

Миновав зимний сад, гости вошли в следующий зал, откуда плавной дугой поднималась на второй этаж особняка мраморная лестница, украшенная расписанными статуями арапчат в ярких тюрбанах. Посредине лестницы с непроницаемым лицом стоял мужчина средних лет, весь облик которого однозначно говорил, что он обеспечивает безопасность своего хозяина. Его поза и лицо со сросшимися бровями давали понять, что второй этаж особняка не предназначен для гостей.

Многочисленные гости толпились у подножия лестницы, тихо переговариваясь и ожидая появления хозяина. Между ними сновали официантки в кокетливой униформе, разнося подносы с шампанским.

Наконец на пяточке свободного пространства перед высокими позолоченными дверями появился хозяин особняка, Иван Костоломов. Крупный, широкоплечий мужчина с густыми рыжеватыми бровями, длинные руки и мощные, покатые плечи которого не мог скрыть даже отлично сшитый смокинг. Рядом с ним возникла жена – юное создание с фарфоровым личиком, золотыми волосами и неживой, кукольной улыбкой.

– Я рад видеть всех вас сегодня у меня дома! – проговорил Костоломов низким уверенным голосом, мгновенно перекрывшим ровный гул разговоров. – И хочу поблагодарить всех приехавших за то, что вы нашли среди своих важных дел время для моей скромной особы...

Среди гостей легким ветерком пролетел вежливый смех.

– Не будем тратить драгоценное время на пустые слова! Милости прошу!

И мгновенно высокие двери распахнулись.

За этими дверями оказался огромный зал, по периметру уставленный столами с закусками и напитками. С потолка зала и с многочисленных колонн свисали серебристые и золотистые гирлянды, гроздья огромных шаров и разноцветных колокольчиков, еловые венки, перевитые золотой мишурой – в общем, многочисленные приметы приближающегося Нового года. Оркестр, расположенный на опоясывающей зал галерее, грянул вальс «На прекрасном голубом Дунае». По сверкающему узорному паркету, как водомерки по поверхности пруда, заскользили лакеи и официантки с подносами. Гости неторопливо потекли в зал.

В дверях их приветствовали хозяева – Иван Костоломов важно кивал, показывал крупные зубы в хищной улыбке, его жена улыбалась механической заученной улыбкой нарядной куклы и повторяла, скользя взглядом по сливающимся в сплошное пестрое пятно лицам:

– Очень рада, очень рада...

Среди гостей были финансовые и промышленные воротилы, а также заметные в городе люди – знаменитый ювелир Бананов, модельер Стаканский со своим неизменным спутником, балетным танцовщиком Ильхановым, драматург Мандаринов со своими гениальными детьми Фомой и Еремеем и даже популярный светский персонаж и знаменитый художник Афанасий Стрелкин.

Стрелкин, окруженный толпой восхищенных дам, подкручивал свои знаменитые усы и громким, хорошо поставленным голосом рассказывал об одном из своих путешествий:

– На вторую неделю наши проводники сбежали, прихватив всю провизию. К счастью, они оставили одну лошадь, и мы питались ею всю третью неделю. Но когда конина кончилась, вопрос с продовольствием встал особенно остро, и мы решили демократическим путем, то есть всеобщим тайным голосованием, выбрать, кого из участников экспедиции съесть в первую очередь...

Ильханов, облаченный в развевающиеся голубые шелка, худенький и легкий, как мотылек, кокетничал с ювелиром Банановым, вызывая ревнивое пыхтение толстого, одышливого Стаканского. Гениальные дети Мандаринова, заговорщицки переглянувшись, подкрались сзади к Ильханову и привязали к его одежде серебряное ведро из-под шампанского.

В общем, каждый развлекался, как мог.

Лавируя среди гостей, как портовый буксир, к недавнему пассажиру лимузина из «Каскад-Паласа» приблизился высокий мужчина в смокинге, в котором по озабоченному лицу и совершенно трезвым глазам можно было узнать одного из служащих Ивана Костоломова.

Наклонившись к самому уху гостя, он доверительным тоном произнес:

– Иван Антонович хотел бы поговорить с вами.

– Извини, дорогая, я тебя ненадолго покину, – проговорил гость, повернувшись к своей спутнице, и последовал за человеком Костоломова.

– Вот так всегда, – недовольно пробормотала девушка с легким французским акцентом, остановила пробежавшего мимо нее официанта и протянула руку за клубничной «Маргаритой».

Стоявший рядом знаменитый писатель Тюльпанер неловко повернулся, и бокал с коктейлем опрокинулся, оставив на платье огромное ярко-красное пятно.

– Боже, как вы неловки! – вскрикнула девушка, схватившись за голову. – Что теперь делать?

– Я, это, всю жизнь как слон в посудной лавке! – с добродушной улыбкой сообщил писатель и скрылся в толпе.

Девушка устремила прочь из зала.

Оказавшись в холле, откуда широкая мраморная лестница вела на второй этаж, она, сильно краснея, обратилась к охраннику:

– Пардон, милейший, где здесь эта... дамская комната? Мне нужно отмыть это пятно!

Охранник с каменным лицом указал на скромную дверь под лестницей.

Девушка подошла к ней, подергала и жалобно проговорила:

– Там заперто!

Дверь действительно не поддавалась. Дело в том, что сама жертва клубничной «Маргариты» только что ловко заклинила замок при помощи самой обычной заколки-невидимки.

– Есть второй туалет, с другой стороны зала, – терпеливо сообщил охранник.

– Что же мне, в таком виде придется идти через весь зал? – чуть не плача, проговорила красotka, указывая на кроваво-красное пятно. – Что обо мне подумают люди?

При этом личико у нее было такое несчастное и такое хорошенькое, что охранник сдался. Он решил, что большой беды не случится, если эта красotka воспользуется хозяйским туалетом, и посторонился:

– Вторая дверь направо по коридору!

– Спасибо, вы такой милый! – прошептала «французенка» и взлетела по лестнице на второй этаж, в личные апартаменты Ивана Антоновича Костоломова.

Едва она скрылась из поля зрения охранника, с ней произошла мгновенная и разительная перемена. Расстроенная светская дама превратилась в собранную, энергичную и целеустремленную особу. Она внимательно осмотрела коридор и скрылась за ближайшей дверью.

В то же время в холле появился сам хозяин приема. Приобнимая за плечо своего гостя, он вел его к лестнице, говоря внушительным басом:

– Я понимаю, что сегодня у вас не деловое настроение, но с другой стороны, вы должны ее увидеть! Это такая вещь, такая сказочная вещь! Немногие музеи мира могут похвастаться подобной диковиной!

Охранник молча посторонился, озабоченно подумав, что хозяин может столкнуться в коридоре с недавно поднявшейся гостьей, но как раз в это время его сменил на посту другой сотрудник службы безопасности.

– Я слышал, что с этой камеей связана какая-то не совсем красивая история, – поморщившись и осторожно отстранившись, отозвался собеседник Костоломова.

– А вы, дорогой мой, меньше обращайтесь внимания на слухи! – повысил голос хозяин особняка. – Деловые люди, такие как мы с вами, должны жить фактами, а не досужими разговорами!

– Разговоры – это тоже большая реальная сила... а впрочем, вы правы, – собеседник хозяина сдержанно улыбнулся.

Мужчины неторопливо поднялись по лестнице. Охранник посторонился, подобострастно вытянувшись. Костоломов, проходя мимо, что-то ему негромко приказал. Затем вместе со своим гостем прошел по коридору второго этажа, остановился перед массивной дверью кабинета, взглянул на часы и достал из жилетного кармана ключ.

– Сейчас сигнализация будет отключена, – пояснил он и открыл дверь.

Просторный кабинет Костоломова даже в этот поздний час казался наполненным светом. Этот эффект создавала золотистая, как бы светящаяся внутренним светом мебель из карель-

ской березы. Книжные шкафы с ровными рядами золоченых переплетов из телячьей кожи, массивные рамы картин, письменный стол размером с летное поле небольшого аэродрома, несколько горок и витрин с коллекционными редкостями – все было сделано из теплого, как будто живого золотисто-розового дерева.

Костоломов, не задерживаясь на пороге, прошел к одной из витрин и указал на нее рукой:
– Вот, она здесь, среди самых ценных экспонатов моей коллекции!

Под стеклянной крышкой витрины на темно-малиновом бархате свободно разместились несколько небольших предметов: две золотые монеты, закладка необычной формы, три удивительно красивые табакерки, усыпанные драгоценными камнями, и в самом центре – небольшая бело-розовая камея в золотом обрамлении с изображением нежного женского лица.

Гость Костоломова склонился над витриной и вполголоса проговорил:

– О, статир Александра Македонского... золотой динарий Веспасиана... какая интересная закладка! Неужели это...

– Да, это средневековая фибула, застежка для плаща эпохи Карла Великого, – с небрежной гордостью ответил хозяин. – А вот и она, моя гордость! – Он поднял крышку витрины и осторожно достал оттуда камею.

– Она бесподобна! – прошептал гость, когда украшение легло на его ладонь. – В жизни не видел ничего более прекрасного!

– Греция, четвертый век до нашей эры, – со скромной улыбкой произнес Костоломов. – Принадлежала самому Лоренцо Медичи... по крайней мере, так мне говорили специалисты.

– Они не ошибались... почему же вы решили продавать такую красоту?

– Сами знаете, – Костоломов поморщился. – Для деловых людей настали тяжелые времена... мне предъявили такие налоговые претензии, что осталось только два выхода: или лишиться контрольного пакета в моем основном предприятии, или продать эту камею. Несмотря на то что я очень к ней привязан, мне придется пойти на этот шаг. Так что теперь слово за вами!

– Я хотел бы услышать вашу цену.

– Ну, вы же понимаете, какая это огромная редкость! – Костоломов склонил голову набок и нервно потер руки.

– Ну, говорите же!

– Кроме всего прочего, это прекрасное вложение капитала. Она будет только расти в цене...

– И все-таки?

– Сорок миллионов.

Гость задумчиво посмотрел на камею и негромко проговорил:

– Я должен подумать. Сами понимаете, такая сумма... не то чтобы это было для меня непосильно, но свободные деньги не всегда есть...

– Она того стоит!

– Безусловно, – гость вернул хозяину камею, – дайте мне один день. Я определюсь со своими возможностями.

– Хорошо. – Костоломов положил камею на место и закрыл крышку витрины. – Но только один день, не больше!

– Договорились. Завтра я в любом случае дам ответ. Только вот еще что... – гость поднял взгляд на Костоломова. – Вам не кажется, что это место не слишком надежно для хранения такой ценности?

– Не кажется, – хозяин особняка хищно улыбнулся. – Это сейчас сигнализация отключена, чтобы мы с вами могли на нее посмотреть. Сразу после нашего ухода здесь будет включена лазерная сетка, через которую и муха не пролетит! Надежнейшая швейцарская система, лучше любого сейфа!

– Приятно слышать, – улыбнулся гость. – Мне уже кажется, что камейка моя, и очень не хотелось бы, чтобы с ней что-то случилось!

– Ничего не случится! – Костоломов постучал костяшками пальцев по деревянной раме витрины. – Теперь дело за вами!

Он прошел со своим гостем до двери кабинета, осторожно прикрыл ее и двинулся к лестнице.

– Если вы позволите, – проговорил он, дойдя до лестничной площадки. – Я вернусь, чтобы включить сигнализацию. Простите, но не люблю делать это при посторонних, даже при таких уважаемых гостях!

– Конечно, – гость с пониманием улыбнулся. – Вы совершенно правы... с такими ценностями нужно обращаться осторожно!

Он шагнул на верхнюю ступеньку лестницы и неожиданно споткнулся. Костоломов вежливо поддержал его под руку, поэтому он не заметил, как в ту же секунду стройный женский силуэт выскользнул за его спиной из двери туалета и скрылся в кабинете.

– Извините, – виновато улыбнулся гость. – Я удивительно неловок... еще раз спасибо за доставленное удовольствие! Камейка на редкость хороша... но все же, можем мы немного опустить цену? Допустим, до тридцати пяти миллионов?

– Об этом не может быть и речи! – Лицо Костоломова окаменело. – Цена окончательная, никаких изменений не будет!

– Простите мою настойчивость, но я никогда не плачу, не попытавшись поторговаться. Такой уж у меня принцип!

– В этом случае вам придется поступиться своими принципами! – несколько суше прежнего проговорил Костоломов и добавил: – Прошу меня извинить, я присоединюсь к вам через несколько минут! – Он повернулся и зашагал к кабинету.

Проскользнув в кабинет Костоломова, Лола бросилась к витрине с камеей. В ее распоряжении было не больше минуты, и нужно было торопиться. Она потянула на себя крышку витрины, но та не поддавалась. Лола вытащила из волос шпильку, вставила ее в замочек витрины, осторожно повернула. Раздался еле слышный щелчок, но крышка по-прежнему не хотела открываться.

Драгоценные секунды неумолимо убегали. Лола глубоко вздохнула. Главное – не паниковать...

Она еще раз внимательно оглядела витрину и заметила на деревянной раме чуть заметный выступ. Осторожно нажав на этот выступ, она услышала характерный щелчок потайной защелки. Переведя дыхание, Лола подняла крышку, вынула из бархатного гнезда бесценную камейку и спрятала ее в лифчик. На место камейки она положила искусно сделанную имитацию.

Закрыв крышку витрины, девушка метнулась к двери...

Но в эту секунду дверная ручка начала поворачиваться.

Хозяин кабинета вернулся.

Лола бросилась за плотную золотистую занавеску и спряталась в глубоком оконном проеме.

Дверь кабинета открылась, и вошел Костоломов. Он быстрым шагом подошел к витрине, взглянул на нее. Видимо, после разговора с потенциальным покупателем в его душе осталось какое-то смутное беспокойство.

Убедившись, что камейка на месте, Костоломов прошел к письменному столу, выдвинул из-под столешницы электронную панель и пробежал по ней пальцами, набирая по памяти код включения сигнализации. Послышалось ровное негромкое гудение, и вокруг витрины с камеей вспыхнула густая сетка едва заметных бледно-зеленоватых лучей.

Облегченно вздохнув, Костоломов задвинул на место электронную панель и вышел из кабинета. При этом свет в кабинете погас. Дверной замок громко щелкнул, и около двери тоже вспыхнула сетка лазерных лучей, отчетливо видимая в наступившей темноте.

Лола выглянула из-за занавески.

Каменя была у нее, но собственное ее положение было хуже некуда. Она оказалась в клетке и не знала, как выбраться на свободу.

– Ох уж этот Ленька, – пробормотала она раздраженно. – Всегда мне достается самая трудная работа...

Она быстро осмотрела темный кабинет. Выход через дверь был закрыт лазерным щитом. Такой же лазерный щит закрывал доступ к витрине. Но это было не все: перед оконной нишей, в которой пряталась Лола, тоже бледно светила сетка зеленоватых лучей.

Но это значит, что она даже не может выйти из оконного проема! Ей придется торчать в этой тесной нише до тех пор, пока не вернется хозяин кабинета и не обнаружит ее!

Да, но с другой стороны... если лазерный щит закрывает выход из оконного проема, может быть, можно попробовать выбраться через окно?

Лола вскочила на подоконник и осторожно приоткрыла форточку. Она сжалась, ожидая, что сейчас раздастся оглушительный трезвон сигнализации и кабинет наполнится охранниками...

Но ничего не произошло. Единственное, что случилось, – в открытую форточку задул ледяной воздух декабря.

Лола поежилась от холода, но облегченно вздохнула. Тот, кто проектировал сигнализацию, настолько понадеялся на лазерные сетки, что посчитал излишним ставить обычные датчики открывания окон.

Лола выбралась в открытую форточку, встала на карниз и медленно двинулась по нему в сторону от окна кабинета. В открытом вечернем платье было ужасно холодно, ноги скользили по обледенелому карнизу. Девушка закусила губу и не смотрела вниз, чтобы не думать, что случится, если она не удержит равновесие.

Левая нога соскользнула, и она едва не сорвалась, с трудом удержавшись за каменный выступ стены, едва не обломав об него ухоженные ногти.

«Еще не хватало туфельку потерять! – в панике подумала Лола. – Как я тогда среди гостей появлюсь...»

Ледяной ветер пронизывал ее до мозга костей. Она двигалась по карнизу сантиметр за сантиметром, не думая ни о чем, кроме того, чтобы не сорваться с узкого предательского карниза.

Шажок за шажком, сантиметр за сантиметром... она уже достаточно удалилась от окна кабинета, и все ближе становилось следующее окно. К счастью, в нем не горел свет. Можно было надеяться, что за этим окном находится пустое и неохраняемое помещение.

Лола сделала еще несколько крошечных шагов по обледенелому карнизу и наконец подошла вплотную к следующему окну. Плечи и спина, прикрытые тонкой тканью, совершенно окоченели.

«А Ленька сейчас небось спокойно пьет шампанское! – с возмущением подумала Лола. – Впрочем, я предпочла бы любому шампанскому чашку горячего чая и шерстяной плед, а еще лучше – горячую ванну!»

Она осторожно открыла свою крошечную, расшитую бисером сумочку, с которой не расставалась ни на минуту. Если бы кто-нибудь случайно увидел содержимое этой сумочки, он был бы несказанно удивлен. Вместо обычных дамских мелочей, вроде пудры и губной помады, здесь лежала крошечная универсальная отмычка, пилка – не для ногтей, а для металлических решеток, однозарядный пистолет, с виду неотличимый от шариковой ручки, и еще кое-какие

столь же полезные вещи. Лола вытащила из сумочки крошечный стеклорез, начертила им на стекле ровный круг, прижала к нему вакуумную присоску и дернула за нее.

Это усилие едва не стало для девушки роковым: она потеряла равновесие и чуть не сорвалась с карниза. Вцепившись левой рукой в оконную раму, так что костяшки пальцев побелели от напряжения, Лола едва удержалась на самом краю обледенелого выступа.

Переведя дыхание, она просунула руку в прорезанное в стекле отверстие и открыла оконную задвижку. С трудом удерживая равновесие, Лола проскользнула в темную комнату и замерла на подоконнике, прислушиваясь.

В первый момент ее охватило бурное ликование. Она больше не балансировала на узком и скользком карнизе, каждую секунду рискуя свалиться с него на каменные плиты двора! Спину, едва прикрытую тонкой тканью, больше не режут ледяные порывы декабрьского ветра! Больше не нужно вбиваться ногтями в каменные выступы, чтобы удержать равновесие!

Но в следующую секунду Лола услышала звук, от которого кровь застыла у нее в жилах. Впрочем, наверное, это случилось несколько раньше, еще на карнизе, от нестерпимого декабрьского холода, а сейчас ей просто стало очень страшно.

Потому что совсем рядом раздавалось негромкое угрожающее рычание – два зеленых глаза светились в темноте у самых ее ног.

Лола прижалась окоченевшей спиной к окну и прошептала:

– Мама!

Это не принесло ей никакого облегчения. Ужасное рычание не замолкло, и горящие глаза никуда не подевались. Зато собственные Лолины глаза немного привыкли к темноте, и она разглядела того, кто угрожающе рычал и сверкал на нее глазами.

Это было не привидение, не инопланетный монстр из фильма ужасов, это была всего лишь огромная собака, здоровенный откормленный ротвейлер. Но от этого Лоле нисколько не стало легче. Ротвейлер был злобный, очень страшный, и, судя по выражению его плотно оскаленной морды, он собирался именно сейчас плотно поужинать. Причем Лола вполне устраивала его в качестве закуски, основного блюда и десерта.

В этот момент Лола искренне пожалела, что не осталась снаружи, за окном, на узком и скользком карнизе. Там было так чудесно, так спокойно... ну подумаешь – ледяной ветер, пронизывающий холод и риск сорваться вниз, на каменные плиты! Но зато никаких собак!

– Собачка, хорошая собачка! – забормотала Лола самым заискивающим голосом, на который была способна. – Умная собачка, красивая собачка, просто замечательная! И очень хорошо воспитанная! Чтоб тебя разорвало, мерзкая зверюга! – добавила она таким же ласковым, приветливым тоном, но ротвейлер оскалился и зарычал еще страшнее, должно быть, он понимал не только интонацию, но и действительный смысл Лолиных слов.

– Я пошутила! – немедленно выпалила Лола. – Ты мне ужасно нравишься, я вообще обожаю собак, но к ротвейлерам испытываю особенную симпатию, и, если ты меня пропустишь, я тебе принесу отличную отбивную! Что ты предпочитаешь – телятину или свинину?

Ротвейлер рыкнул насмешливо – наверное, он хотел сказать «нашла дурака» или что-нибудь в таком же роде. А может быть, дал понять, что телятине и свинине предпочитает свежую человечину.

– Ну давай не будем ссориться, – продолжала уговаривать его Лола, – я действительно очень люблю собак, у меня самой дома замечательная собака, ее... то есть его зовут Пу И... он чихуахуа...

Ротвейлер отчетливо хрюкнул. Если бы он был человеком, этот звук безусловно можно было бы назвать издевательским смехом. Во всяком случае, этим странным звуком он очень доходчиво выразил все, что думает о древней мексиканской породе чихуа-хуа.

– Зря ты так, – обиженно проговорила Лола. – Пу И – настоящая собака, он очень преданный и смелый... несмотря на свой маленький рост, он готов жизнь за меня отдать!

Ротвейлер всем своим видом выразил недоверие.

– Ах вот ты как! – проговорила Лола. – Ну, если ты так думаешь про Пу И, я считаю, что у меня развязаны руки!

Во время предыдущего разговора она медленно, стараясь не делать резких движений, которые могли спровоцировать ротвейлера на агрессивные действия, перебирала содержимое своей замечательной сумочки и наконец нашла то, что искала – маленький позолоченный флакончик с известным каждой уважающей себя женщине логотипом фирмы Коко Шанель. Но в этом флакончике были не знаменитые духи «Шанель № 5» и даже не менее известные «Шанель № 19». В этом флакончике была совершенно отвратительная смесь из красного перца, табачной крошки и кое-каких химических добавок, смесь, от которой любая собака бежит, как черт от ладана.

– Значит, ты смеешься над моим маленьким другом? – угрожающе осведомилась Лола, вытаскивая из сумочки флакон.

Ротвейлеру ее интонация очень не понравилась, он обнажил огромные желтоватые клыки и приготовился к прыжку. Но Лола успела брызнуть ему в морду содержимым флакончика.

Несчастный пес попятился, присел на задние лапы, как обиженный щенок, жалобно закулил, на его морде появилось выражение детской обиды, испуга и отвращения.

«За что? – казалось, говорили его глаза. – Я вел себя, как примерный, законопослушный охранный пес, слушался хозяина, беспрекословно выполнял его приказы и команды, не брал угощение у незнакомых людей... за что же мне это ужасное наказание?»

Он чихнул от отвращения, развернулся всем телом и помчался прочь, подальше от этой коварной женщины с ее ужасным флаконом...

Лола перевела дыхание и спрыгнула с подоконника. Она взглянула на часики и поняла, что нужно скорее возвращаться в зал, пока кто-нибудь из охраны не обратил внимание на ее длительное отсутствие. Но прежде, разумеется, нужно было привести себя в порядок.

Выскользнув в коридор и убедившись, что там никого нет, она добежала до туалета, где придирчиво оглядела себя в зеркале. Гусиная кожа... красные пятна от холодного ветра... растрепанные волосы... ну, это поправимо. Она слегка поработала над прической, подправила макияж и самое главное – придала своему лицу надменное выражение уверенной в своей неотразимости светской красавицы. Прежде чем выйти в коридор, не удержалась и взглянула на камею.

Плоский резной камень в золотом обрамлении был прекрасен. Нежное женское лицо казалось таким живым, что трудно было поверить в то, что ему две с половиной тысячи лет...

– Неплохо выглядишь, бабуля! Мне даже кажется, что мы с тобой чем-то похожи! – прошептала Лола и спрятала камею обратно, в укромное местечко на своей груди.

Она вышла в коридор и как ни в чем не бывало направилась вниз по широкой лестнице.

Охранник уставился на нее с удивлением, но Лола высокомерно изогнула брови и проговорила:

– Скажи старшей горничной, чтобы сменила мыло в туалете! Оно так пахнет, что собаки разбегаются!

Найдя Леню среди гостей, Лола подошла к нему сзади и шепнула:

– Все в порядке! Но это было не так просто, как ты обещал!

– Слава богу! – отозвался Маркиз. – Я уже начал беспокоиться! Тебя так долго не было... хочешь шампанского, детка?

– Благодарю покорно! – Лола передернулась. – Мне бы спирта медицинского... или хотя бы коньяка граммов двести... и скорее домой!

– Да, нам действительно нужно поторопиться! – озабоченно проговорил Леня, оглядевшись по сторонам. – Пока Костоломов не заметил пропажу... да и наши голубки скоро должны проснуться!

Известно, что человек, потерявший сознание, возвращается к жизни постепенно: сначала осязание и слух, затем уже зрение. И только потом человек осознает, что с ним произошло и где он находится.

Андрей Зайковский долго выходил из сна, приближенного к обмороку. Сначала он осознал, что ему очень и очень неудобно. Он лежал, скорчившись, в один бок упиралось что-то острое, в другой бок немилосердно дуло. Пахло пылью и еще чем-то давно забытым и чрезвычайно неприятным. Кажется, клопами, с удивлением осознал Зайковский. Он пошевелился, и тотчас кто-то стукнул его по уху, но не сильно. Рука затекла, он попробовал пошевелить ею, но мешало что-то живое и теплое. Это живое завозилось и тоненько застонало.

Зайковский понял, что нужно срочно открыть глаза.

Лучше бы он этого не делал, потому что взору его предстала ужасающая картина. Он лежал на жутком продавленном диване, и все пружины впивались ему в спину. Темная комната с низким потолком тонула во мраке. Лишь вдалеке виднелся свет. Но неяркий.

Кто-то упорно возился рядом с Зайковским, он скосил глаза и увидел женские ноги, причем одна даже была в туфельке. Туфельку эту он узнал – только Надин могла носить такой маленький размер. Зайковский осторожно провел рукой по щиколотке и выше, дошел до коленки и понял, что это именно тот острый предмет, который впивается ему в спину. Странно, он никогда не думал, что у Надин такие острые коленки...

Нога снова пошевелилась и нацелилась ему в глаз каблуком туфельки. Зайковский отпихнул ноги и попытался сесть. Это удалось ему с третьей попытки, зато он увидел остальную Надин. Они спали валетом.

Вдалеке, там, где свет, задвигались какие-то тени.

– Эй, кто-нибудь! – крикнул Зайковский, готовясь к самому худшему и зажав в руках туфельку Надин с острым каблуком, потому что никакого другого предмета для защиты поблизости не наблюдалось.

Вскоре появился перед диваном тщедушный старичок в аккуратной, хотя и далеко не новой спецовке.

– Эге, паря! – весело заговорил он. – Никак проснулся! Хорошо поспали?

– Где я? – прохрипел Зайковский. – Что это за место?

– Известно где, – охотно объяснил старичок, – на объекте.

– Какой еще объект? – удивился Зайковский.

– Котельная номер восемь Центрального района, – обиделся старичок, – еще какой важный объект! Четыре дома обогреваем!

Надин простонала что-то неразборчивое и спустила ноги с дивана. От потрясения она разом забыла все русские слова и разразилась длинной фразой по-французски.

– Ух ты! – восхитился старичок. – Иностранка! Ишь, как чешет!

– Как мы сюда попали? – продолжал расспрашивать Зайковский, хотя в голове мелькнула мысль, что нужно думать, не как он сюда попал, а каким образом отсюда выбраться.

– Ну как, – старик мигнул честными выцветшими глазами. – Обыкновенно. Иду это я, значит, себе на объект, гляжу – аккурат у двери вы лежите вот с дамочкой. Ну, думаю, известное дело: перебрали люди, со всяким может случиться, еще, не дай бог, замерзнут тут ночью-то. Потому как хоть и плюсовая температура, а только платишко-то у ней так себе, видимость одна, а не платье. Вот, на себе вас сюда перетащил, проспаться дал...

– Ограбили! – внезапно заверещала Надин. – Полиция! Воры! Преступники! Террористы!

Зайковский хотел ей помешать, но старик уже расслышал и искренне обиделся.

– Уже едут! – сообщил он злорадно. – Вот сейчас и узнаем, кто тут вор, и кто, между прочим, террорист!

Старик удалился в глубь помещения, ворча сердито о том, что, мол, сделаешь людям в кои-то веки добро, а благодарности от них нипочем не дождешься. Тотчас с грохотомпахнулась дверь, и в комнату спустились два бравых полицейских в форме.

– Старший сержант Зимородко! – представился первый. – Васильич! Что у тебя опять стряслось?

– У меня-то ничего, – недовольно пробурчал Васильич, появляясь перед полицией, – вот, иностранцы какие-то приبلудились. Сами пьяные в стельку, а еще скандалят!

Зайковский сжал локоть Надин, призывая ее молчать.

– Документики ваши попрошу, гражданин! – строго сказал старший сержант Зимородко.

Зайковский пошарил в карманах и с удивлением понял, что портмоне на месте. Он открыл его и просмотрел наскоро содержимое, так чтобы не видели посторонние. Все было на месте: документы, кредитные карты, небольшое количество наличных денег. На руке были платиновые швейцарские часы, в кармане – золотой «Паркер». Грабители ничего не взяли.

– Оч-чень интересно... – протянул полицейский, внимательно разглядывая его паспорт, – значит, вы утверждаете, гражданин Зайковский, что вас ограбили и избили?

– Да, нас обграбиль! – заверещала Надин, от волнения разучившись правильно говорить по-русски. – Нас обграбиль и избиль... нас усыпиль... и бросиль в этот ужасный место!

– Интересная картина! – протянул старший сержант, вертя в руках паспорт Зайковского. – Первый раз вижу, чтобы грабители не тронули бумажник... какие-то, прямо скажем, странные грабители!

– Они взяли мой шуба! – не унималась Надин. – Они взяли мой совсем новый норковый шуба!

– Ничего я не утверждаю, – поспешно проговорил Зайковский, который хорошо знал, как нужно вести себя в экстремальных обстоятельствах, к которым, безусловно, можно отнести общение с отечественной полицией. – Нас абсолютно никто не грабил. Мы совершенно случайно зашли в эту котельную... а тут от тепла разомлели и задремали...

– Как это – никто не грабиль? – возмутилась Надин. – А мой шуба? Кто же взял мой шуба?

– Первый раз вижу таких странных грабителей, – задумчиво повторил старший сержант Зимородко. – Они не только не тронули бумажник, они даже, кажется, оставили в нем деньги!

Андрей Зайковский не стал бы тем, кем он стал, он не стал бы богатым и влиятельным человеком, если бы он не умел с полуслова понимать отечественную полицию. Он прекрасно уловил намек наблюдательного полицейского и, поспешно вытащив из бумажника пару хрустящих зеленых бумажек с портретом иноземного президента, незаметно вложил их в удачно подвернувшуюся руку старшего сержанта Зимородко.

– Как же так? – продолжала кипятиться непонятливая Надин. – А мой новый норковый шуба?

– Успокойся, – прошипел Зайковский, болезненно ткнув подругу в бок. – Ты сама потеряла эту шубу! Я куплю тебе новую! Сиди тихо! И, ради бога, говори нормально по-русски!

– Значит, выходит, не было никакого правонарушения? – уточнил Зимородко, заметно потеплев лицом. – Ну, на нет, как говорится, и суда нет! Так оно, понятное дело, для всех лучше! Значит, не будем протокол составлять... кому нужна вся эта писанина? Вас, гражданин Зайковский, может быть, сопроводить до места проживания?

– Ни в коем случае! – испугался многоопытный миллионер. – Нам совсем недалеко, мы прекрасно доберемся!

– Что-то мне лицо ваше удивительно знакомо! – не сдавался Зимородко. – Где я мог вас видеть?

– Думаю, вы ошибаетесь, – оскалился в напряженной улыбке Зайковский и вытащил из портмоне еще две зеленые бумажки.

– Может, и ошибаюсь, – охотно согласился полицейский, и деньги бесследно исчезли в его кулаке.

Зайковский вздохнул с облегчением. Старший сержант, скорее всего, принял его за находящегося во всероссийском розыске преступника, поэтому и согласился на достаточно умеренную взятку. Если бы он узнал известного миллионера и мецената, Зайковскому, конечно, не удалось бы так легко от него отделаться.

– Ну, тогда не смею больше утомлять своим присутствием. – Зимородко неожиданно заговорил языком персонажей исторических мелодрам. Он бросил строгий начальственный взгляд на присмирившего истопника, который в ответ вылупил честные голубые глаза, и вместе с молчаливым напарником покинул котельную.

– Никогда не говори при ментах с акцентом! – прикрикнул Зайковский на свою обиженную подругу. – Они с иностранцами не церемонятся! Могли влипнуть в серьезную историю...

– Раньше было наоборот... – жалобно проговорила Надин. – Как увидят, что иностранка, сразу вежливые становятся!

– Раньше было так, а теперь иначе! – проворчал Зайковский. – Времена меняются, дорогая моя, и полиция меняется вместе с ними! Они знают, что иностранец скоро уедет и не будет права качать!

– Но моя шуба...

– Забудь ты про свою шубу! – Зайковский повернулся к истопнику: – Дед, машину поймай, я тебе заплачу!

– Это уж как водится, – охотно согласился старик, напяливая ватник. – Бесплатно нынче только кошки рождаются... машину, это мы запросто, это со всем нашим удовольствием... только, мил человек, деньги вперед попрошу, а то сам знаешь, какое сейчас время!

Получив деньги, хитрый истопник спрятал их куда-то в глубину своего одеяния и отправился за машиной.

Зайковский, как уже было сказано, не стал бы богатым и значительным человеком, если бы у него не было врожденного и хорошо развившегося чутья. Он чувствовал запах денег, запах власти, но сильнее и острее всего – запах приближающейся опасности.

События сегодняшней ночи чрезвычайно ему не нравились. Вокруг него происходило что-то неправильное и опасное, а в такой ситуации ни в коем случае нельзя расслабляться и терять инициативу. Это может слишком дорого обойтись. Богатый человек в нашей стране напоминает ценного пушного зверька. За ним все охотятся, у него слишком много врагов, и никого не остановит даже тот факт, что он занесен в Красную книгу. Красная книга в наши дни гораздо толще любого телефонного справочника, а ценный мех попадает не на каждом шагу. Спасти его могут только хороший нюх, быстрые ноги и незаурядная осторожность. Все это у Зайковского имелось.

Зайковскому совершенно расхотелось покупать камю Медичи. Вокруг этой камей творилось что-то неприятное. Зайковскому вообще расхотелось оставаться в России. Он кожей почувствовал опасность и понял, что нужно немедленно удирать. Смываться. Делать ноги.

Добравшись до своего номера в гостинице, Зайковский не стал расслабляться. Хотя Надин стонала, всхлипывала и немедленно требовала горячую ванну и полноценный восьмичасовой сон, Андрей был непреклонен. Он лично, ни на кого не надеясь, позвонил в международный аэропорт Пулково-2 и заказал билеты первого класса на ближайший рейс. Рейс этот был до Дубая, в Объединенных Арабских Эмиратах.

– Дубай так Дубай, – согласился Зайковский. – Оттуда переберемся еще куда-нибудь, и желательно – как можно дальше!

– Андре, я хочу спать! – стонала его капризная подруга.

– Выспишься в самолете, – равнодушно отмахнулся Зайковский, торопливо переодеваясь.

– Но я хочу в ванну...
– Помоешься в Дубае! – неумолимо ответил он, направляясь к дверям.
– Как, но я даже не собрала вещи! – ужаснулась Надин.
– Купишь новые! – рявкнул миллионер. – Короче, ты летишь со мной или остаешься здесь?

Надин здраво рассудила, что вещи, даже такие, как новая норковая шуба, она купит где угодно, а вот миллионеры на дороге не валяются, и молча поспешила вслед за Зайковским.

На следующее утро Лола проснулась поздно. Спала она крепко, потому что по настоянию Лени выпила на ночь лекарство от простуды, в состав которого входило успокоительное. Сев на постели, Лола прислушалась к себе. Горло саднило, нос заложило, дышать было трудно. Так и есть, ее здорово прохватило вчера на ледяном ветру, когда ползла по карнизу.

Лола прислушалась – по квартире кто-то ходил. Вот хлопнула дверь ванной (тысячу раз говорила, чтобы Ленька ее придерживал!), чмокнула дверца холодильника, возмущенно мяукнул кот Аскольд – очевидно, Леня в процессе приготовления завтрака наступил ему на хвост.

– Пу И! – слабым голосом позвала Лола. – Иди к мамочке!

Никто не спешил на зов. Да что это она, опомнилась Лола, ее избалованный песик никогда не уйдет из кухни, когда там происходит процесс приготовления еды! А вдруг на пол упадет, к примеру, кусок миланской ветчины? Или ломтик швейцарского сыра?

Как будто из голодного края, сердито подумала Лола. А тут хоть помри – никто не явится!

Впрочем, она тут же опомнилась – ничего она не помирает, просто немножко простудилась, даже температуры нет. Настроение, несмотря ни на что, было хорошее, потому что вчера она отлично поработала, и Леня должен быть доволен. Операция прошла успешно, сегодня у него встреча с заказчиком, и тогда можно будет считать задачу полностью выполненной. Но от Лолы больше ничего не зависит, она молодец и может отдохнуть и расслабиться. А что касается простуды, так нужно просто полежать в тепле денек-другой – все как рукой снимет.

Лола приободрилась и выползла в кухню как была – в теплой пижаме в розовую и серую клеточку. Оказалось, что Леня уже закончил завтрак, и зверей накормил, так что Лолу ожидала только пустая тарелка из-под слоеных булочек и джезва с кофейной гущей на дне.

– Извини, дорогая, не думал, что ты встанешь, – пробормотал Леня, – как ты себя чувствуешь?

– Так себе, – вяло ответила Лола, – голова болит.

Она согнала со стула кота Аскольда, который устроился уютно подремать после завтрака, и села поближе к батарее, потому что стало зябко.

– Вид у тебя не очень... – протянул Леня, – вот что, с Пу И я уже прогулялся, так что ты сегодня вообще не выходи из дома, я по дороге за продуктами заеду. Тебе чего привезти?

– Не знаю... как-то ничего не хочется, – машинально ответила Лола, поскольку в ее голову вкралась мысль: с чего это Ленька так суетится? Беспокоится о ее здоровье? Но ведь на самом-то деле, если честно признаться, Лола ничем не больна – так, ерунда, нос заложило. Чувствует себя виноватым за то, что вчера вечером она так рисковала? Пустое, во-первых, он искренне считает, что главная задача выпала на его долю – общаться с хозяином камеи, а во-вторых – что ж, риск – это неотъемлемая часть их профессии, Лола знала, на что шла, когда в свое время согласилась работать с Леной Маркизом.

И вообще, виноватым среднестатистический мужчина чувствует себя только в одном случае – когда изменяет жене. Но Лола Лене вовсе не жена, то есть формально они имеют право на легкие интрижки, у них ведь договор, что в личную жизнь друг друга они не вмешиваются.

«Глупости, – сказала себе Лола, – Леня прав, иногда я становлюсь совершенно невозможной. С чего это мне взбрело в голову, что сейчас Ленька собирается на свидание? У него назначена встреча с заказчиком, он должен передать ему камею и получить деньги. А уж мне

ли не знать, что в делах Леня очень обязательный, ответственный и пунктуальный! Пока не закончит операцию, не позволяет себе никаких развлечений!»

– Иди по делам, – улыбнулась она Лене, – ничего со мной не случится. Где у тебя встреча?

– В кафе на Никольской, называется «Миранда», – ответил Леня из ванной, где пытался повязать галстук.

Лола мимоходом отметила, какой ее компаньон сегодня элегантный, и отмела этот галстук, как совершенно неподходящий. Она сама сделала красивый узел и сняла последнюю пылинку с пиджака.

– Ложись в постель, дорогая, – заботливо сказал Леня на прощание, – у тебя утомленный вид.

Оставшись одна, Лола выпила большую кружку крепкого чая с лимоном и сахаром и почувствовала, что хочет есть. Это хороший признак, значит, организм преодолевает недомогание, и скоро она поправится.

Лола не поленилась и сделала себе омлет с сыром и зеленью, потом выпила еще одну чашку кофе и поняла, что прекрасно себя чувствует. На улице от вчерашней непогоды не осталось и следа. Вчера с неба свисали темные ватные тучи и сыпалась какая-то мелкая дрянь, похожие норовили проскользнуть побыстрее, подняв воротники и накинув капюшоны. Сегодня небо весело голубело, из-за дома напротив выглядывало застенчивое зимнее солнышко, а на газонах белел выпавший за ночь снежок. Лола осознала, что ей скучно сидеть дома, к тому же, в связи с наступающими праздниками, у нее было множество дел. Нужно было сделать покупки, озаботиться новогодними подарками для Лени и зверей. Попугаю Лола присмотрела новую просторную клетку, для кота Аскольда уже куплена была мягкая подушка с электрическим подогревом, потому что зимой кот был очень требователен к теплу и комфорту. И только Пу И оставался пока без подарка. К тому же совершенно необходимо было подумать о себе!

Пока Лола наводила красоту в ванной, прибежал Пу И и поглядел очень выразительно.

«Даже и не думай, что ты сможешь уйти из дома без меня, – говорил его взгляд, – ты и так совершенно забросила собаку!»

– Ты прав, дорогой, – нежно сказала Лола, – разумеется, мы пойдем вместе. Поможешь мне выбрать подарок для Лени. Я полагаюсь на твой вкус. Но сначала мы поедem в новый торговый центр, там открылся бутик модной собачьей одежды, я сама видела рекламу. Конечно, уважающие себя собаки носят только одежду, сшитую на заказ известным дизайнером, но возможно, нам что-то понравится... какая-нибудь мелочь, безделица...

Пу И радостно гавкнул. Он терпеть не мог ездить на примерки. Зато очень любил сопровождать Лолу по магазинам. Во-первых, Лола всегда водила его в кафе и угощала разными вкусностями, а во-вторых, можно было исхитриться и немножечко похулиганить, пока хозяйка отвлечется.

Сказано – сделано. Лола не любила зимой ездить на собственной машине – темно и скользко, на улицах пробки и раздраженные водители, она предпочитала, чтобы ее возил Леня. Сегодня Леня был занят делами, Пу И же очень не любил ездить общественным транспортом – пассажиры, особенно дети пытались его гладить и тискать и очень обижались, когда свободлюбивый песик норовил их цапнуть. Не много, одного-двух... Но дети начинали орать, а их мамы устраивали грандиозный скандал. Один раз Пу И умудрился покусать зловредную старуху, которая пыталась впихнуть ему кусок отвратительной полукопченой колбасы. Пу И считал это событие большой удачей, но старуха не желала понимать, что сама во всем виновата, обзывала Лолу разными словами и перешла к рукоприкладству. Лолу спас полицейский патруль, но пришлось заплатить большой штраф.

Так что об общественном транспорте не могло быть и речи. Лола с песиком дошли до проспекта и поймали машину. Водитель сделал Пу И «козу» и вмиг домчал их до площади, где буквально неделю назад открылся шикарный торговый центр из стекла и металла.

Войдя внутрь, Лола остановилась, зачарованная волшебным зрелищем. Весь первый этаж был освещен холодным голубым и сиреневым светом. Стены были обиты сверкающими металлическими панелями, в которых, как в огромных зеркалах, отражалось все содержимое этого гигантского аквариума. Во все стороны расходились стеклянные коридоры, вдоль которых располагались многочисленные магазинчики с модной одеждой и косметикой. Посредине в двух прозрачных шахтах плавно двигались лифты, и видно было, как пассажиры ошалело крутят головами, оглядываясь по сторонам.

Лола увидела подиум и много кресел рядом, сейчас пустовавших. За лифтами был фонтан, и струи его, казавшиеся стеклянными, с тихим журчанием стекали в круглый бассейн, окруженный металлическими статуями, нестерпимо блестящими в свете галогенных ламп. Но главное чудо было впереди.

На специальном возвышении стояла елка. Она тоже была металлическая, до последней иголки, и украшена стеклянными синими и белыми шарами.

– Пу И! – воскликнула Лола и подняла песика повыше. – Ты только погляди, какая красота!

Но Пу И дал понять, что этакая неземная красота его совершенно не интересует. Он не любит стиль хай-тек, его утомляют шум и блеск, и даже немного кружится голова. Лола подняла глаза и наверху, на стеклянной галерейке увидела людей, сидящих за столиками.

– Чудно! – обрадовалась она. – Мы посидим в кафе, ты отдохнешь и привыкнешь к обстановке.

Они решили подняться на эскалаторе, чтобы оглядеться. На втором этаже, обходя лестницу, Лола вдруг заметила в металлической панели на стене что-то неуловимо знакомое. Она даже остановилась и потрясла головой, потом вернулась чуть назад. В стене, как в зеркале, отражались все посетители торгового центра. Вот и они с Пу И идут... И больше совершенно ничего интересного. Что же так удивило Лолу? Она и сама не знала.

– Наверное, показалось, – пробормотала она, – от этого блеска в глазах двоится.

Они поднялись на третий этаж и посетили бутик собачьей одежды, который назывался «Монморанси», в честь знаменитого фокстерьера, описанного Джеромом К. Джеромом. Одежда была так себе, к тому же Пу И ничего не подошло. И еще он обиделся, что магазинчик назвали именем какого-то хулиганского фокстерьера, который проводил время, в основном гоняясь за крысами, и вообще не имел никакого художественного вкуса и никакой одежды. Чтобы повысить песику настроение, Лола купила ему неплохой ошейник с разноцветными стразами, хотя знала, что Леня такой умопомрачительной красоты не одобрит. Пу И же ошейник понравился, а Лола ни в чем не могла отказать своему любимцу. Пу И ненавязчиво напомнил Лоле про кафе, и они с облегчением покинули магазин.

Возле лифта на третьем этаже пол был сделан из толстого зеленоватого стекла, причем сквозь него видно было все здание до первого этажа. Казалось, идешь не по стеклянному полу, а по поверхности воды, а под тобой в несколько ярусов расположился удивительный подводный мир. Лола ступила на стекло, взяв песика на руки, потому что он что-то занервничал, и, внимательно глядя себе под ноги, пошла к лифту. И вдруг... в глазах у нее потемнело, потому что за одним из столиков кафе она увидела своего компаньона Леню Маркиза в компании с дамой! Лола остановилась на месте так внезапно, что на нее с разбегу налетела какая-то тетка, увешанная пакетами. меховая шляпа у тетки съехала набок, дубленка болталась на одной пуговице. Как видно, предновогодний шопинг довел тетку до белого каления, и она уже плохо ориентировалась в пространстве.

– Черт знает что! – раздраженно завопила тетка, но тут же заметила, что под мышкой у Лолы отнюдь не сумочка, как казалось на первый взгляд, а крошечная собачка.

Пу И глядел недоуменно, ему и самому было интересно, что случилось с Лолой, и не слишком комфортно было стоять на прозрачном полу. Маркиза он с такой высоты не заметил.

– Ой! – расцвела тетка. – Какой милый! Он настоящий или игрушечный?

Пу И тут же обиделся и рывкнул на тетку совсем как настоящая собака. Тетка от неожиданности выронила все пакеты. Из лифта кричали, чтобы скорей заходили, сзади напирала толпа.

Лола опомнилась и шагнула в сторону. Тетка собрала свои пакеты и рванула в лифт, не оглядываясь на Пу И, чтобы не отвлекаться. Лола крепче прижала к себе песика и встала так, чтобы не мешать движению. Потом она глубоко вздохнула и опустила глаза вниз.

Ничего не изменилось, вот он, Ленечка, собственной персоной сидит за столиком как ни в чем не бывало. И гром небесный над ним не грянет, и молния не поразит!

Полузадушенный Пу И пытался вырваться на свободу, Лола перехватила песика поудобнее и продолжала осмотр Лениной спутницы. Даже сверху из неудобного ракурса было видно, что женщина красива и ухоженна. При всем желании Лола не могла бы назвать ее ни шваброй, ни драной кошкой, ни облезлой выдрой. Через спинку стула была перекинута дорогая норковая шубка, дама махнула рукой, и в свете огней сверкнул на руке бриллиант. То есть сверху Лола, конечно, не разглядела кольца, но что еще может так сверкать, не стекляшка же!

Лола скрипнула зубами, увидев, как этот негодяй, этот подлый предатель, ее, с позволения сказать, компаньон, взял ручку своей дамы и прижался к ней губами. Тут она перехватила удивленный взгляд молодого человека, который топтался рядом в ожидании лифта.

– Вам плохо? – участливо спросил он.

– Мне никогда еще не было так хорошо, – мрачно сказала Лола и поглядела так строго, что парень мигом отвял и даже отошел к другому лифту.

Лола еще раз глубоко вздохнула и решила менять дислокацию. Пу И дал понять, что ему все надоело и что он хочет поскорее домой, отдохнуть на диване. Но Лола домой вовсе не собиралась, напротив, она собиралась поближе рассмотреть сладкую парочку, потому что отказывалась верить своим глазам.

Полно, Леня ли это? Может быть, у нее из-за простуды начались галлюцинации? Хотя с чего бы вдруг – температуры нет, бреда тоже. ... Но как же Ленька очутился здесь, в этом торговом центре, когда Лола точно помнила, что он назвал ей в качестве места встречи с заказчиком совсем другое – кафе «Миранда» на Никольской? Значит ли это, что Ленька злостно пренебрег своими обязанностями, плюнул на дело и пошел на свидание с дамой?

Нет, сказала себе Лола, в такое она никогда не поверит. Что-то тут не то. Нужно взять себя в руки и выяснить, что же происходит.

С такими мыслями она спустилась по ступенькам на второй этаж, ни на минуту не выпуская из рук Пу И. Еще не хватало, чтобы песик вырвался, и тогда Леня его наверняка заметит! В Лолыны планы это не входило, поэтому медленным шагом, незаметно оглядываясь по сторонам, она приблизилась к столикам с тыла. С одной стороны ее прикрывала металлическая статуя, изображающая голую личность неопределенного пола и возраста в позе роденовского «Мыслителя», с другой – экзотическое растение в большой кадке. Лола очень удачно вписалась между ними. Обзор с этого места был неплохой, только не слышно, о чем говорили эти двое за столиком. Впрочем, Лоле и не нужно было слышать, все было ясно по глазам и по жестам.

После поцелуя дама мягко, но решительно отобрала у Лени свою руку и сказала что-то, едва шевеля губами, но очень серьезно. Ленька тут же напустил на лицо строгость, стрельнул по сторонам глазами и выложил перед дамой какой-то небольшой предмет. Так и есть, поняла Лола, это коробочка с камеей Медичи. Дама осторожно открыла коробочку, и на лице ее тут же появилось торжествующее выражение. Впрочем, оно просто быстро промелькнуло, и вот уже снова дама спокойна и смотрит на Леньку с легкой поволокой во взгляде.

Лола и сама была мастерицей бросать на мужчину такие взгляды, так что сейчас профессионально оценила актерскую манеру и поставила неизвестной даме высшую оценку по пятибалльной шкале. Дама улыбнулась Лене и достала из сумочки плотно набитый конверт.

Лола уже вообще перестала что-либо понимать. Судя по всему, у ее компаньона происходила деловая встреча с заказчиком, точнее с заказчицей. Он отдает ей камео, она платит деньги. После этого обычно Леня с клиентом тут же расходились, довольные друг другом. Так какого же черта он целует этой бабе ручки, глядит с застарелой нежностью и, Лола готова была спорить на что угодно, прижимается под столом к ее бедру!

«Дело прежде всего!» – Леня Маркиз так часто повторял эту фразу, что это стало его девизом. Больше того: он убедил Лолу принять этот девиз, в противном случае вообще отказывался с ней работать. То есть он так говорил, но Лола поразмыслила и решила, что так всем будет лучше. Они с Ленькой связаны только дружескими чувствами и деловыми проблемами.

«Сделал дело – гуляй смело!» – говорил Леня. И гулял, паршивец. Но никогда не смешивал развлечение и деловые вопросы.

На этот раз все по-другому. Или Ленька решил, что раз сам установил правила, то сам же их и отменит? Влюбиться в заказчицу – что может быть глупее? Как ни была Лола зла на своего компаньона, она не могла заподозрить его в таком внезапном приступе идиотизма.

Пу И пошевелился и дал понять Лоле, что, если его немедленно не выпустят, он за себя не отвечает. Лола посадила его в кадку с экзотическим растением и сказала строго:

– Пу И! Если ты издашь хоть звук, между нами все кончено!

Песик поглядел ей в глаза и понял, что Лола не шутит. Парочка за столиком беседовала о чем-то тихонько, причем Ленька все время норовил шептать, чтобы как можно ближе к нему оказалось маленькое ушко, в котором тоже сверкал приличных размеров бриллиант. Лола уже устала скрипеть зубами, тем более что все равно не помогало.

Нет, поняла она, все гораздо хуже. Этот тип, ее компаньон, не влюбился в заказчицу, он определенно знал ее раньше. И не просто знал, а знал очень близко, между ними был роман. Только так можно было объяснить эту застарелую нежность во взгляде. И сейчас, после трудов праведных, они предавались романтическим воспоминаниям.

Только так можно объяснить всю ту кучу вранья, которую Ленька нагромоздил Лоле в связи с камеей Медичи. Когда он вводил ее в курс дела, он не назвал имени заказчика, и пола тоже. Он говорил «один человек». Когда Лола потребовала подробностей, он отговорился беспокойством за нее – мол, меньше, девочка, знаешь, крепче спишь. Или что-то в этом роде. Она поверила Леньке, как полная дура. И даже сегодня он все наврал насчет места встречи. «Миранду» какую-то выдумал, да такого кафе и вовсе нет!

Нет, ну каков подлец, а? Чтобы угодить своей бывшей пассии, он послал Лолу в самое пекло, в кабинет Костоломова! А ведь сам говорил, что Костоломов – очень влиятельный и опасный человек и что связываться с ним чревато огромными неприятностями. Как же Лола рисковала! Ее могли застать на месте преступления, ее мог разорвать на части ужасный, кровожадный ротвейлер, она могла сорваться с карниза и разбиться насмерть или, что еще хуже, остаться калекой на всю жизнь. Она могла, наконец, простудиться и заболеть воспалением легких или чахоткой, и умереть потом, как героини Достоевского...

Лола почувствовала, как по щекам ее катятся слезы. Было ужасно себя жалко. Пу И тоже, потому что у него никого нет, кроме Лолы. Песик понял ее чувства и лизнул в щеку. От ласки Лола совсем расклеилась, да еще и в носу засвербело, и горло заболело сильнее.

Лола взяла на руки песика и отошла подальше от столиков, чтобы не попасться на глаза Маркизу. Сейчас она не готова к скандалу, она не в лучшей своей форме. Кроме того, у дамы камео, а у Лени – много денег, совершенно ни к чему привлекать внимание посторонних. И вообще, устало подумала Лола, пускай Ленька делает все, что хочет, она знать не желает этого предателя.

В машине по дороге домой Лола молчала, Пу И тоже грустно посматривал на водителя, симпатичного старичка, и тяжело вздыхал, так что водитель даже спросил, не из ветеринарной ли клиники они едут и не заболел ли песик.

Дома Лола сразу же прошла к себе и легла, накрывшись одеялом с головой, чтобы без помех предаться своему горю. Она была оскорблена до глубины души. Мало того, что Ленка ей врал, он еще заставил ее рисковать жизнью из-за своей бабы. И теперь небось эти двое смеются над глупой, доверчивой Лолой, в то время как она болеет тут одна, всеми брошенная и покинутая...

Потом Лола уснула, успев с сожалением подумать, как хорошо они жили раньше, пока две недели назад Леня не согласился подменить чертову камею.

За две недели до описываемых событий Леня Маркиз стоял в гараже своего приятеля по кличке Ухо, замечательного специалиста по автомобилям и прочему транспорту.

– Нет, но ты посмотри, какие формы! – восклицал Ухо в полном восторге. – Посмотри, какая красавица!

Когда Ухо говорил таким восхищенным, очарованным тоном, можно было не сомневаться – он говорит о машине. Ни одна женщина не смогла бы вызвать у него такой блеск в глазах, такую радостную вибрацию в голосе, как темно-красная «Феррари», перед которой стояли они с Маркизом.

– Но ты же понимаешь, Ухо, – отвечал Леня, тяжело вздыхая. – Мне, при моей профессии, нельзя ездить на такой заметной машине. Мне нужно держаться скромнее, незаметнее... как говорил один старый и умный человек – подальше от камеры, поближе к кассе. Причем слово «камера» здесь выступает в двух значениях – и телевизионная, и тюремная, не к ночи будь помянута...

– И зачем же она нужна, такая жизнь, – скривился Ухо, почесав в затылке. – Если нельзя даже на приличной тачке прокатиться...

– Ну, как тебе сказать, Ухо, – с философским видом возразил Маркиз. – В жизни есть много других маленьких радостей, помимо автомобилей...

– Ты серьезно так думаешь? – искренне удивился Ухо.

Ему трудно было представить что-то более привлекательное, чем автомашины. Или хотя бы сравнимое с ними. Ну, разве что самолеты, катера, яхты, снегоходы и прочие средства передвижения... зато в средствах передвижения он разбирался, как никто другой! Он мог угнать все, что угодно, – от детского самоката до космической ракеты и от инвалидной коляски до личного лимузина султана Брунея. Как-то раз по просьбе Маркиза он угнал инкассаторский броневик...

Леня хотел что-то ответить приятелю, но в это время у него в кармане зазвонил мобильный телефон. Судя по мелодии – «Полету валькирий» Вагнера – это был не обычный его мобильник, а специальный телефон, по которому с Леной связывались потенциальные заказчики.

Леня сделал знак приятелю – мол, подожди, возникло непредвиденное дело – и поднес телефон к уху.

В трубке раздался приятный женский голос.

– Мне вас очень хорошо рекомендовали, – сказала незнакомка. – Мы можем встретиться и обсудить одно конфиденциальное дело?

Голос заказчицы показался Лене удивительно знакомым. Казалось, с ним связано что-то очень важное... но воспоминание вильнуло хвостом и, как рыба, ушло в глубину памяти.

– Почему бы и нет? – вежливо ответил Маркиз. – Сейчас я свободен и открыт для предложений. Конечно, если ваше предложение меня заинтересует...

– Где и когда? – деловито осведомилась женщина.

– В три часа, если вас устроит, – ответил Маркиз. – На сороковом километре Приморского шоссе. В какой машине вы приедете?

– Серебристый двухместный «Мерседес SLK».

«Очень приличная дамская машина, – отметил Леня. – Мечта обеспеченной девушки. Изумительный дизайн, откидывающаяся крыша...»

– Надеюсь, вас не нужно предупреждать, что вы должны приехать на эту встречу без сопровождения?

– Разумеется, – лаконично подтвердила заказчица.

– Договорились, – проговорил Леня и отключился.

– Встреча, да? – поинтересовался Ухо. – С женщиной?

– Вы удивительно проницательны, милорд, – потупился Леня.

– Ну, так возьми на эту встречу мою красавицу, – Ухо умильно посмотрел на «Феррари», – произведешь на даму неизгладимое впечатление...

– Заманчиво, конечно, – вздохнул Леня. – Но я боюсь, как бы это впечатление не оказалось слишком сильным... мы, бойцы невидимого фронта, должны быть незаметными, одеваться скромно, не выделяться из толпы... нет, «Феррари» – это не для меня!

Леня Маркиз действительно отличался приятной, располагающей, но совершенно незапоминающейся внешностью, чрезвычайно выгодной при его экзотической профессии. Повстречавшись с ним, уже на следующий день люди с трудом могли бы его описать.

– Ладно, как знаешь, – пожал плечами Ухо. – Ну, возьми тогда «Тойоту», она неприметная...

– Только потом ее еще раз перекрась.

За полчаса до назначенной встречи Леня на неброской темно-зеленой «Тойоте», которую одолжил ему Ухо, остановился на тридцать восьмом километре Приморского шоссе, осторожно съехал на обочину и принялся наблюдать за дорогой. Спустя двадцать минут мимо него проехал элегантный серебристый кабриолет. За ним никто вроде бы не следовал. Маркиз выждал еще несколько минут и подъехал к месту встречи.

За рулем двухместного «Мерседеса» сидела молодая, чрезвычайно ухоженная дама. Собственно, человек менее наблюдательный назвал бы ее девушкой и оценил ее возраст в двадцать два – двадцать три года, но Леня своим наметанным взглядом определил, что ей никак не меньше тридцати. Слишком уверенно она держалась, слишком хорошо были уложены золотистые волосы, слишком много сил и вкуса было вложено в ее внешность. Эта женщина была произведением искусства и хорошо понимала это. Такое приходит только с возрастом, на смену юной непосредственности и весенней свежести.

Но не красота и ухоженность заказчицы заставили учащенно биться Ленино сердце... он протер глаза, не веря себе, и поспешно выбрался из машины. Забыв о правилах конспирации, он быстрыми шагами подошел к серебристому кабриолету и срывающимся голосом проговорил:

– Беата? Неужели это ты?

Заказчица откинулась на кожаную спинку сиденья, широко открыла бирюзово-синие глаза и воскликнула:

– Леня? Боже мой, сколько же лет прошло!

– Пятнадцать... – взволнованно выговорил Маркиз. – Нет, уже шестнадцать!

– Не называй эти ужасные цифры, – с низким волнующим смехом прервала его женщина. – Я не хочу чувствовать себя такой старой!

– Ты – старой? – рассмеялся Леня. – Ты выглядишь просто обалденно!

– Если бы ты знал, чего мне это стоит! – На этот раз усмешка Беаты была грустной.

– Ты помнишь Шуваловский парк? – едва слышно прошептал Леня. Взгляд его затуманился.

Ему тогда только что исполнилось двадцать лет. Он окончил цирковое училище и должен был по распределению ехать в Заволжское областное управление культуры. Его ожидало

блестящее будущее: триумфальные выступления на сцене колхозных клубов и в Домах культуры райцентров. Вытаскивать кроликов из шляпы на глазах недоверчивых крестьян... Леня буквально слышал голос веселого зрителя из пятого ряда:

– А пол-литру так тоже вытащить можешь?

И тут, в один прекрасный весенний день, он встретил на улице ее, Беату. Она шла посреди тротуара и ела мороженое, вафельный стаканчик за тринадцать копеек. Леня встал перед ней и таким же, как сегодня, срывающимся от волнения голосом попросил:

– Дай откусить!

Беата остановилась и посмотрела на него смеющимися бирюзовыми глазами:

– А больше ты ничего не хочешь?

– Хочу, – честно признался Леня.

Они до глубокой ночи гуляли по городу, добрались пешком до запущенного Шуваловского парка, в сумерках целовались на каменной скамье под сумасшедшие трели соловьев...

Конечно, ни в какой Заволжск Леня не уехал. Он дни и ночи проводил со своей новой подругой. Это была, наверное, самая прекрасная весна в его жизни. Он всерьез задумался о женитьбе. Ему нравилось в ней все – от бирюзовых глаз и золотых волос до редкого имени. Беата говорила ему, что обязана этим именем своей бабушке-польке. С бабушкой Леня не успел познакомиться, она умерла несколькими годами раньше, а вот отчим девушки как-то застал его у себя дома и долго, внимательно расспрашивал о том, какое у Лени образование, кто его родители, какие планы на будущее...

Видимо, будущему виртуозу легкой наживы не удалось произвести на него благоприятное впечатление. Его не признали достойным претендентом на руку девушки. Беату силой, чуть ли не под конвоем увезли к другой ее бабушке, в Саратов. У этой бабушки не было польских корней, зато у нее были суровый нрав и твердая рука. Она сумела внушить легкомысленной внучке правильные, по бабушкиному представлению, взгляды на жизнь. Больше Леня никогда не встречался со своей золотоволосой возлюбленной.

Никогда, вплоть до этого дня.

– Беата! – повторил Леня. Сам звук этого имени, казалось, делает его на шестнадцать лет моложе.

– Не будем ворошить прошлое! – проговорила женщина, решительно тряхнув волосами. – И у тебя, и у меня своя новая жизнь, и с этим ничего не поделаешь. Мы встретились по делу... давай и займемся этим делом.

Леня с трудом отвлекся от охвативших его воспоминаний. Он не мог не признать правоту Беаты. Ведь он сам всегда повторял, что ни в коем случае нельзя смешивать работу и чувства...

Усевшись рядом с ней на мягкое сиденье «Мерседеса», Леня несколько секунд помолчал, приводя свои мысли и чувства в порядок и наконец решительно проговорил:

– Ну что ж, рассказывай, что за беда привела тебя ко мне.

– Ты не знал моего отца... – начала Беата.

– Отчего же, – прервал его Леня, помрачнев. – Тогда, шестнадцать лет назад, он очень доступно объяснил мне, что мы с тобой – не пара, что тебе нужен совсем другой человек, старше, разумнее, а самое главное – обеспеченнее... как он выразился, твердо стоящий на ногах...

– Это был не мой отец, – поморщилась Беата. – Это был Григорий Михайлович, второй мамин муж. Я не виню его, он, безусловно, хотел мне добра...

Леня перехватил взгляд Беаты, брошенный на его скромную «Тойоту», и пожалел, что не прислушался к совету приятеля и не взял у него на один вечер «Феррари».

– А мой родной отец, Николай Васильевич Ивановский, был крупным коллекционером...

– Ивановский? – удивленно переспросил Леня. – Так ты – его дочь?

– Да, – кивнула Беата. – А что, ты знал его?

– Знаком не был, но слышать о нем, безусловно, приходилось... нумизмат, филателист, коллекционер живописи... кто же о нем не слышал! Кажется, он умер года четыре назад?

– Совершенно верно, – Беата помрачнела. – Четыре года... его смерть на совести одного человека... собственно, об этом я и хотела с тобой поговорить.

– Что тебе про меня сказали? – Леня недовольно поморщился. – Я не наемный киллер! Я никогда не имею дела с насилием... при всем моем уважении, ты обратилась не по адресу!

– Я знаю, – Беата кивнула. – Я навела о тебе справки и знаю о твоей основной специальности. Не волнуйся, это именно то, что надо.

И она коротко рассказала Лене историю смерти своего отца.

В обширной и очень ценной коллекции Ивановского была одна безусловная жемчужина, одно бесценное сокровище, которое коллекционер ценил больше всего остального – античная камея, некогда принадлежавшая знаменитому Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепному, как называли его современники. Камея, представлявшая собой вырезанный на ониксе женский портрет, так и называлась с тех пор камеей Медичи. Судьба ее была бурной и кровавой, к самому Ивановскому она перешла как наследство прадеда, миллионера и мецената, владевшего в девятнадцатом веке огромными сокровищами и сумевшего кое-что сохранить несмотря на все обыски и реквизиции.

Когда Николай Васильевич стал признанным и уважаемым коллекционером, он смог явить свету и камее Медичи. Написал о ее истории статью для серьезного научного журнала, предоставил для одной очень престижной выставки... об этой камее заговорили, на нее мечтали взглянуть крупнейшие ученые и собиратели. Подлинность камеи, ее уникальность и необычайная ценность не подвергались сомнению. Специалисты ставили ее в один ряд с камеей Гонзаго, считающейся самым ценным экспонатом Эрмитажа.

Ивановский немногих допускал в свой дом. Только проверенные, уважаемые люди могли взглянуть на его сокровище. Но однажды его попросил о визите профессор Вайсмюллер, один из старейших сотрудников Эрмитажа. Ивановский не раздумывая согласился, не зная, к чему приведет этот шаг.

Старик профессор пришел в гости не один. Его сопровождал крупный, широкоплечий мужчина с густыми рыжеватыми бровями. Он нисколько не был похож на коллекционера или искусствоведа.

– Иван, мой племянник, – ответил профессор Вайсмюллер на невысказанный вопрос Ивановского. – Я, батенька, стал стар и беспомощен и один теперь почти никуда не выбираюсь...

Ивановский ничего на это не сказал, но ему очень не понравились длинные волосатые руки «племянника», а особенно не понравился жадный внимательный взгляд, который Иван не отводил от бесценной камеи.

После посещения Вайсмюллера прошло несколько недель, и у Ивановского был небольшой прием. На этом приеме присутствовали его коллеги-коллекционеры и несколько специалистов по античной пластике. Среди прочих был приезжий профессор из Германии, которого представил хозяину дома тот же Вайсмюллер. Вечер прошел великолепно, но, когда Николай Васильевич проводил гостей и вернулся в свой кабинет, он с ужасом увидел, что камея Медичи заменена подделкой.

– От перенесенного стресса с отцом случился инсульт, – закончила рассказ Беата. – Он какое-то время еще прожил, но уже не встал на ноги. Профессор Вайсмюллер приходил к нему каяться и просить прощения, он рассказал, что тот, кого он назвал своим племянником – на самом деле очень опасный человек, Иван Костоломов. Костоломов угрожал убить единственную внучку профессора, если тот не поможет ему проникнуть в дом Ивановского и взглянуть на знаменитую камее. В первый раз Вайсмюллер решил, что невелика беда, если Иван только посмотрит на сокровище, но тот, увидев камее, стал сам не свой и потребовал, чтобы профес-

сор на этот раз ввел в дом Ивановского, под видом немецкого ученого, вора и мошенника, который и подменил камео.

Отец умер через несколько месяцев. Я унаследовала его коллекции. Кроме того, мой муж – богатый и влиятельный человек. И вот теперь я узнала, что Иван Костоломов имеет наглость всюду похвастаться камеей Медичи, и решила, что этому нужно положить конец.

– Это слишком опасно, – проговорил Маркиз, выслушав историю. – Насколько я знаю, Костоломов – не тот человек, которому можно переходить дорогу...

– Конечно... – грустно отозвалась Беата. – Я не надеялась, что ты возьмешься за это дело... хотя мне говорили о тебе, как о самом лучшем специалисте... я не могу оставить все как есть, кровь моего отца вызывает к отмщению... в конце концов, я займусь этим сама!

Голос Беаты задрожал, ее бирюзовые глаза затуманились от готовых пролиться слез, грудь начала бурно вздыматься...

– Да, я займусь этим сама... – повторила она решительно, отвернувшись от Маркиза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.